

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.139.1>

ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ – АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Научная статья

Исакова Е.С.^{1,*}, Варакина М.И.², Бобькина Т.А.³, Нин Х.⁴, Литвиненко А.В.⁵

¹ORCID : 0000-0002-0744-3299;

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^{2,3,5}Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

⁴Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (trofimova.elizavetta[at]yandex.ru)

Аннотация

В современных условиях национальная безопасность зависит от ряда таких факторов как экономика страны и её конкурентоспособность, благосостояние граждан, их умонастроения и т.д. Среди источников реальной угрозы для многих стран можно назвать: терроризм, межэтнические конфликты, распространение оружия массового уничтожения, замедление или остановку экономического роста, информационные войны, загрязнение окружающей среды. Скорейший переход китайской экономики от ресурсозатратного природопользования к ноосферному развитию положительно скажется на экологической ситуации в регионе, а также на экономической, информационной и национальной безопасности страны в целом. Однако решение данного вопроса требует детальной проработки всех этапов предстоящего перехода. Успешное становление на путь экономического развития, основанного на знаниях, как новой модели развития национальной экономики невозможно без исторически сложившихся предпосылок, таких как высокий экономический рост, активное использование новейших информационных технологий, мощная законодательная база. Необходимо плановое совершенствование всех отраслей национальной экономики, повсеместное внедрение наукоёмких производств, что в последующем и станет той необходимой базой для перехода к новому этапу экономического развития.

Ключевые слова: экономика знаний, защита окружающей среды, знания, пути экономического развития.

KNOWLEDGE ECONOMY – A RELEVANT TOPIC FOR MODERN CHINESE SOCIETY

Research article

Isakova E.S.^{1,*}, Varakina M.I.², Bobikina T.A.³, Nin H.C.⁴, Litvinenko A.V.⁵

¹ORCID : 0000-0002-0744-3299;

¹Russian University of Friendship, Moscow, Russian Federation

^{2,3,5}Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russian Federation

⁴Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

* Corresponding author (trofimova.elizavetta[at]yandex.ru)

Abstract

In modern conditions, national security depends on a number of factors such as the country's economy and its competitiveness, the welfare of citizens, their mentality, etc. Among the sources of real threats to many countries are the following: terrorism, interethnic conflicts, proliferation of weapons of mass destruction, slowdown or suspension of economic growth, information wars, and environmental pollution. The rapid transition of the Chinese economy from resource-intensive nature management to noosphere development will have a positive impact on the environmental situation in the region, as well as on the economic, information and national security of the country as a whole. However, the solution to this issue requires detailed elaboration of all stages of the forthcoming transition. Successful establishment on the path of knowledge-based economic development as a new model of national economic development is impossible without historically established prerequisites, such as high economic growth, active use of the latest information technologies, and a powerful legislative base. The planned improvement of all sectors of the national economy, widespread introduction of knowledge-intensive industries is necessary, which in the future will become the necessary basis for the transition to a new stage of economic development.

Keywords: knowledge economy, environmental protection, knowledge, economic development ways.

Введение

В условиях, когда национальные интересы формулировались исходя из представления о защите государственной территории, населения и природных ресурсов, военная сила выступала в качестве главного атрибута власти и мощи государства.

Исходя из этого, можно сказать, что концепция национальной безопасности долгое время имела внешнюю направленность, и в этом смысле главными её несущими конструкциями были внешнеполитическая стратегия, дипломатическая практика, военно-политическая платформа и военно-силовое обеспечение.

В современных условиях национальная безопасность зависит не только от вооружённых сил, но и от ряда таких факторов как экономика страны и её конкурентоспособность, благосостояния граждан их умонастроения и т.д. Среди источников реальной угрозы для многих стран можно назвать: терроризм, межэтнические конфликты,

распространение оружия массового уничтожения, замедление или остановку экономического роста, информационные войны, загрязнение окружающей среды.

Близкая угроза экокатастрофы с особой остротой ставит вопрос об ускоренной информатизации общества. Это, наряду с необходимостью революционных изменений в технологии, как смены способа взаимодействия общества и природы, важная составляющая нового механизма поддержания устойчивости биосферной пирамиды. Сам ход исторического развития определяет два пути: либо цивилизационный процесс перейдет на новые формы эко-развития, либо социальное развитие переменит свой вектор и окажется регрессивным [1]. Язык эколого-информационных методологических построений даёт возможность интерпретировать безопасное устойчивое развитие региона как процесс научного управления посредством эколого-информационного мониторинга экономического развития региональной социо-природной системы с сохранением её безопасности и направленным на повышение качества жизни настоящих и будущих поколений [1].

Утвердившаяся в последние десятилетия концепция устойчивого (точнее, не наносящего ущерб природе) экономического роста предполагает неразрывное сочетание экономической и экологической политики. По существу, речь идет о новой модели экономического развития государства, соответствующей реалиям глобализированной экономики начала третьего тысячелетия, не противоречащей его концепции устойчивого развития, укрепляющей национальную безопасность страны.

Экологическая политика все более активно реализуется в экономической стратегии развитых стран и крупных компаний. Она охватывает систему мер, направленных на рациональное использование природных ресурсов, их охрану и восстановление внутри страны и за ее пределами.

Методы и принципы исследования

В мире разрабатывается и осуществляется целый комплекс мер, направленных на решение задач нового этапа развития. Он включает принятие природоохранного законодательства, внесение соответствующих изменений в налоговые системы, применение различных инструментов экологической политики. В результате осуществления концепции устойчивого роста происходят глубокие изменения в структуре национальной экономики, ускоренно внедряются передовые ресурсосберегающие технологии, информационные технологии, формируются новые отрасли производства. Все это приводит к снижению издержек производства.

Исторически сначала возникла экономика, основанная на физическом труде и сельском хозяйстве. Ее сменила индустриальная экономика, базирующаяся на использовании природных ресурсов. На смену последней постепенно приходит экономика, базирующаяся на знаниях. Ряд экспертов полагает, что «экономика знаний» существенно отличается от экономики индустриального общества, когда накопление богатства было связано с материальными активами. По их мнению, благосостояние зависит от нематериальных активов – опыта, ноу-хау знаний.

Основы «экономики знаний» заложили три выпускника Венского университета, которые, впрочем, в дальнейшем жили и работали в США – Йозеф Шумпетер, Фридрих Хайек и Фриц Махлуп. Основателем экономики знаний как дисциплины считается Махлуп, автор книги «Производство и распространение знаний в США», написанной в 1962 г. [17]. Тогда «экономика знаний» понималась просто как один из секторов экономики. По мере увеличения социальной роли науки под экономикой, базирующейся на знаниях, стали все чаще понимать определенный тип экономики, где сектор знаний играет решающую роль, а производство знаний становится источником роста экономики. Близкими понятиями являются инновационная экономика, «общество знаний», информационное общество, высокотехнологическая цивилизация.

Помочь понять, что такое «экономика знаний» и какое значение придается ей в системе национальной безопасности КНР, может ознакомление с принятой Китаем стратегией, озаглавленной: «Государственная система по освоению новшеств на фоне наступления эпохи экономики знаний». Суть ее президент Академии общественных наук КНР, профессор Ли Теин характеризует следующим образом: «Душа «экономики знаний» – непрерывное стремление к новшествам, а источник ее силы – образование... В нынешнем мире конкуренция мощи государств – это в конечном счете конкуренция уровней знания». Один из ключевых пунктов китайской стратегии следующим образом детализирует задачи, стоящие перед государством – необходимость усилить роль правительства в развитии экономики знаний:

- разработать краткосрочный и долгосрочный планы;
- гарантировать финансирование важных объектов фундаментальных исследований;
- создать необходимые условия для развития общественного образования и информационной работы;
- создать механизм капиталовложений в области с наибольшими рисками и способствовать притоку капитала в механизм создания новшеств;
- оказывать поддержку и предоставлять льготные условия предприятиям, занимающимся высокими технологиями;
- разрабатывать политические установки для поощрения лиц, которые вносят вклад в дело создания новшеств посредством целевого выделения средств;
- разработать систему законоположений по поддержанию информационной безопасности государства в условиях изучения и освоения «экономики знаний», с одной стороны, и распространению новых знаний и расширению социальных эффектов – с другой, и т.д.» [15].

Во второй половине 1990-х годов в Китае развернулись оживленные дискуссии на тему «экономики знаний» (чжиши цзинци). В 1997–99 гг. были переведены на китайский язык или переизданы основополагающие труды западных специалистов по теории постиндустриального общества, доклады международных экономических организаций, в которых затрагивались проблемы «экономики знаний».

Всплеск числа публикаций по теме наблюдался в конце 1998 г. Косвенно это позволяет сделать предположение о «заказе» со стороны государства, о том же свидетельствует и состав участников обсуждения. В начальный период влияние профессиональных экономистов на ход дискуссий было незначительным, ведущую роль в ознакомлении

китайской общественности с теорией «экономики знаний» играли правительственные чиновники и представители органов пропаганды. Лишь в 1999 г. экономисты активно включились в разработку темы и предприняли попытку рассмотреть теорию «экономики знаний» в контексте реальных проблем современного Китая.

Основные результаты

Одной из основополагающих работ стала статья ректора Университета Фудань (г. Шанхай) Ян Фуцзя, опубликованная в журнале «Синьхуа вэньчжай» [27]. В этой установочной публикации содержались принципиальные теоретические; положения и конкретные факты, отраженные впоследствии в исследованиях ряда китайских авторов.

Особая актуальность темы, по мнению Ян Фуцзя, связана с коренными сдвигами в экономике и обществе, наметившимися в результате развития информационных технологий. Подобно тому, как 200 лет назад индустриальная экономика стала заменять аграрную, сегодня «экономика знаний» приходит на смену индустриальной экономике. Если в начале XX века «топливом» для двигателя индустриальной экономики была нефть, то на рубеже третьего тысячелетия «топливом» для двигателя «экономики знаний» становится информация.

Ян Фуцзя сравнил рост информационных отраслей с «тихой революцией», коренным образом изменяющей способ производства, способ потребления и образ жизни людей. Он призвал как следует подготовиться к неминуемому наступлению новой эпохи, уделив первостепенное внимание проблемам образования и подготовки кадров. Главный вывод статьи состоял в том, что «экономику знаний» можно сравнить со складывающейся в наши дни «новой экономической формацией» [27].

Статья Ян Фуцзя вызвала заинтересованную реакцию как правительственных чиновников, так и научной общественности. Влияние этой публикации было столь значительным, что некоторые китайские авторы даже включили ее положения в заголовки своих работ. В частности, выпущенная в 1998 г. книга Ли Цзинвэня называлась «Экономика знаний: новая экономическая формация XXI века» [15].

Все большее место в разработках китайских авторов стало отводиться изучению происходящих в мире технологических и информационных сдвигов, на первый план выдвинулась проблема отставания Китая от развитых стран. Многие ученые обратились к исследованию теории «общества знаний», в КНР стало формироваться новое научное направление, получившее название «китайской школы экономики знаний» и появилась имеющая национальную специфику «китайская теория экономики знаний».

Главными теоретическими источниками «китайской теории экономики знаний» послужили разработки зарубежных ученых. В первую очередь к ним относятся труды американских исследователей, таких как: Ф. Махлупа, М. Пората, Д. Белла, посвященные проблемам информационных технологий и постиндустриального общества.

В числе теоретических источников китайской концепции «экономики знаний» некоторые авторы также называют труды японских и западноевропейских ученых. В этом можно усомниться, поскольку эти исследования в Китае все еще малоизвестны. Отдельные китайские теоретики видят корни современной концепции «общества знаний» также и в трудах Конфуция, который еще два с половиной тысячелетия назад говорил о знаниях и о «радости», полученной от учения: «Учиться и своевременно претворять в жизнь – разве не в этом радость?». Однако это мнение также не получило широкого распространения в научных кругах КНР.

«Национальная специфика» в теории «экономики знаний» проявилась в том, что на первый план выдвинулась идея «исторического шанса» (цзюйюй), предоставляемого Китаю новой эпохой. Как справедливо отмечали многие авторы, по уровню развития Китай еще далек от «общества знаний». Но не стоит из-за этого «беспомощно вздыхать», считая нереальным сокращение разрыва между Китаем и экономически развитыми странами. Наступление эпохи «экономики знаний» рассматривалось в большинстве китайских публикаций как «выпадающая раз в тысячу лет возможность» стать полноправным членом этого общества, как редкий шанс для создания новой конкурентоспособной экономической структуры на основе информационных технологий.

Многие исследователи предлагали как можно скорее использовать выпавший Китаю шанс, проявляя при этом излишнюю поспешность. «Теория наверстывания» (цзицзао лунь) стала ещё одним специфическим направлением развития «китайской теории экономики знаний». Ученые КНР акцентировали внимание на том, что «шанс нельзя упустить – время больше не придёт». Существующие различия в уровне экономического развития стран мира обусловлены главным образом влиянием промышленной революции, однако «экономика знаний» предоставляет всем странам мира шанс заново перетасовать карты, и от того, успеет ли Китай на этот поезд, возможно, будет зависеть его положение в мировой экономике в будущем столетии. Нынешнее отставание Китая в отраслях, порожденных промышленной революцией и последующей индустриализацией, может быть скомпенсировано, но для этого необходимо поторопиться.

Развитием «теории шанса» стала «теория перешагивания» (куаюэ лунь), обосновывающая возможность «перешагнуть» в новую эпоху «общества знаний», сконцентрировавшись на отраслях будущего. Некоторые исследователи подчеркивали, что Китай может войти в новую эпоху своим путём – в процессе модернизации надо также обращать внимание на экономику знаний, нам совсем не обязательно идти по пути развитых государств Запада. Заявлялось, что «экономика знаний» дала Китаю новый шанс, поэтому можно отказаться от модели развития традиционных отраслей и осуществить в некоторых сферах «перешагивающее» ускоренное развитие.

Обращаясь к истории, некоторые ученые высказывали опасения, что Желание «перешагнуть» в будущее может вновь оказаться несбыточной мечтой, ведущей к краху, как это неоднократно случалось в новой и новейшей политической истории Китая. По мнению Цзя Баохуа, «хотя «экономика знаний» – это действительно «хорошая» вещь, в Китае у нее могут быть две разные судьбы, если мы будем возлагать на нее слишком большие надежды, нас, возможно, постигнет ещё большее разочарование» [26].

Мало кто пытался проанализировать негативные последствия перехода Китая на новую стадию развития. Господствовало мнение, что взять из опыта развитых стран можно только хорошее. И Пэйцян (Хунаньский педагогический университет) полагал, что «экономика знаний» позволит решить проблему имущественной

дифференциации и усовершенствовать социальную структуру китайского общества. «Если богатые не овладеют знаниями, информацией, технологиями, навыками управления, то они могут потерять свое богатство и оказаться среди низших слоев, а люди из низших и средних слоев, обладая знаниями, информацией, технологиями, умением управлять производством, смогут обогатиться и подняться в верхние слои... Увеличится численность среднего класса в обществе, уменьшится разрыв между богатыми и бедными. Социальная структура в форме пирамиды, существующая сегодня, будет заменена новой структурой социальной организации» [12].

У этой идеализированной точки зрения в Китае нашлись противники, предполагавшие, что в результате перехода к «экономике знаний» могут обостриться внутренние экономические проблемы и социальные конфликты. По их мнению, многие в Китае уже осознали, что индустриализация принесла не только удобства, но и трудности – экологические проблемы, демографический взрыв, транспортные пробки. Обострились социальные противоречия – увеличился разрыв между бедностью и богатством, возросло число уволенных и безработных, огромные масштабы приобрела коррупция. «Экономика знаний» также принесет не только новые преимущества, но и новые противоречия, новые преступления, новую напряженность.

Теоретики «общества знаний» критиковались также за отрыв от насущных проблем современного Китая. Выдвигаемые ими цели были высоки и прекрасны – развитие информационных технологий, совершенствование системы высшего образования, подготовка высококвалифицированных научно-технических кадров, увеличение ассигнований на исследования, перемещение КНР на более высокое место в мире по научно-техническому потенциалу, и даже получение китайскими учеными Нобелевских премий. Оппоненты призывали их трезво взглянуть на реальность и уделить первостепенное внимание современным социальным и экономическим проблемам. Дело в том, что в условиях ограниченных средств, напряженной ситуации с ресурсами, ухудшения экологии, роста безработицы, научно-техническая и промышленная политика должны быть нацелены на решение проблем, связанных с повседневной жизнью людей. Иными словами, сторонников «экономики знаний» упрекали в ошибочной расстановке приоритетов.

В конце 1998 г. некоторые известные ученые выступили с критикой Китайской школы экономики знаний. Президент Инженерной академии Китая Сун Цзянь подчеркивал, что нельзя слепо и односторонне стремиться к Развитию информационных отраслей, забывая о насущных проблемах развития современного сельского хозяйства и базовых отраслей.

Примерно в то же время авторитетный экономист Фань Ган подчеркнул, что «этапы экономического развития можно сократить, однако нельзя перепрыгнуть через этап», Китаю необходимо пройти урок «индустриализации и урбанизации», нельзя «сидеть в соломенном шалаше и играть в компьютерные игры» [26].

Сходной позиции придерживался Се Ди (проректор Института экономики и управления, Цзилиньский Университет), справедливо отметивший, что без развития первичного и, в особенности, вторичного сектора, информационный сервис будет всего лишь «воздушным замком». В ситуации незавершенной индустриализации Китай должен не только стремиться овладеть командными высотами «экономики знаний», но и как можно быстрее использовать новейшие информационные технологии для оснащения ими всей экономики, и прежде всего отраслей обрабатывающей промышленности, ускорить процесс индустриализации, повысить уровень модернизации промышленности и ее конкурентоспособность. Такой выбор ученый считал более реалистичным [21].

Критические замечания высказывались и на научной конференции «Экономика знаний и управление» (октябрь 1998 г. Сиань). О том, что Китаю необходимо не только развивать индустрию знаний, но и «пройти пропущенный урок» «индустриализации» и «маркетизации», говорил на конференции профессор Хэйлунцзянского Университета Сюн Инью. Гун Вэйпин (Цзинаньский Университет) подчеркнул, что «экономика знаний» реально еще не существует, и китайские ученые обсуждают лишь прогнозы и гипотезы, сделанные на основе современных тенденций экономического развития. «Поэтому «экономика знаний» – это в значительной степени категория футурологии, а не категория экономической науки в строгом смысле слова» [25].

Работы китайской школы «экономики знаний» критиковались и за поверхностность рассуждений о влиянии наступающей эпохи на развитие экономической теории. Тезис о том, что новая эпоха бросает вызов традиционным экономическим концепциям, в большинстве публикаций не развивался – авторы ограничивались постановкой общих вопросов и декларативными заявлениями. Инь Шицзе (Институт экономики потребления при Хунаньском педагогическом университете) отмечал, что в условиях «экономики знаний» изменится объект исследования экономической науки и первостепенное значение приобретет изучение роли знаний, цель исследований будет состоять не в изучении вещей, а человека, методы исследования будут отличаться комплексностью и т.д. [13]. В его статье были перечислены вопросы, на которые должна обратить особое внимание экономическая наука: как оптимально разместить ресурсы знаний? Какие изменения произойдут в отраслевой структуре в эпоху «экономики знаний»? Как в Новой ситуации проводить государственное регулирование? Станет ли тенденцией прогрессирующий рост эффективности? Какой будет ситуация в сфере Распределения? Будет ли в условиях экономики знаний увеличиваться дифференциация? Автор не давал ответов на эти вопросы, а лишь предлагал усилить исследования «экономики знаний», призывал выйти из кабинетов и углубиться в практику, не ограничиваться «разговорами об экономике ради экономики», вести комплексные исследования и все время непрерывно учиться [13].

Размышляя об «экономике знаний», ведущий китайский экономист У Цзинлянь (Центр исследований развития при Госсовете КНР) поднял вопрос о существующих в понимании этой темы «сферах заблуждений». Он заметил, что китайское правительство подчеркивает необходимость развития высоких технологий уже двадцать лет, но высокотехнологичные отрасли по-прежнему развиваются недостаточно успешно. У Цзинлянь увидел ошибку в господствовавших в Китае на протяжении долгого времени представлениях, согласно которым мобилизация ресурсов и их целенаправленное использование для освоения и заимствования новых технологий позволят обеспечить быстрое развитие высокотехнологичных отраслей. Главная мысль ученого состояла в том, что «институты важнее, чем

технологии» – успех развития высокотехнологичных отраслей зависит в первую очередь от того, способствуют ли существующие институты инновациям [25].

В ходе кампаний по выходу на мировой уровень науки и техники в КНР основное внимание уделялось разработке планов научно-технических работ, привлечению значительных людских ресурсов для освоения новой техники, организации новых производств. При этом не прилагались усилия для того, чтобы создать институты, способствующие раскрытию творческих возможностей людей и инновациям. Темпы внедрения научных достижений оставались низкими, предприятия по-прежнему не стремились к обновлению технологии. Насущные проблемы пытались решить с помощью призывов «повысить инновационное сознание», «выполнить планы научных исследований», «усилить контроль над показателями научно-технического прогресса», а не путём реформирования предприятий. Многие усилия оказывались напрасными, а ситуация не улучшалась.

Особое внимание У Цзинлянь обращал на ошибочное понимание в Китае проблемы соотношения технологических изменений и институциональных перемен. При анализе проблемы он ссылаясь на книгу Д. Норта и Р. Томаса «Подъем западного мира: новая экономическая история», в которой отмечалось, что в XVIII в. в Западной Европе успешное экономическое развитие и рост доходов населения стали возможными, прежде всего потому, что у западноевропейских стран были более эффективные экономические организации и система законов, обеспечивающих защиту индивидуальных прав собственности. Хотя ученые и считали технологические изменения важным фактором экономического развития, однако эти факторы рассматривались ими лишь как важная составляющая процесса роста. Ключом к экономическому росту, по Мнению Д. Норта и Р. Томаса, являлась эффективная организация экономики. У Цзинлянь обращался и к исследованиям технологических изменений известного американского экономиста Н. Розенберга – особый интерес китайского ученого привлек тезис о том, что одним из важнейших факторов начала промышленной революции в Европе стало развитие рынка. Ссылаясь на исследования американских экономистов, он заключал: «Если мы хотим развивать в Китае высокотехнологичные отрасли, то необходимо прежде всего проводить реформы и создавать институты, благоприятствующие развитию высоких технологий и связанных с ними отраслей. Такие институциональные установления станут самым мощным стимулом технического прогресса и развития высокотехнологичных отраслей» [23].

У Цзинлянь критиковал распространенные в КНР «заблуждения» относительно функций правительства в период перехода к новой стадии развития. Ученый критиковал точку зрения, согласно которой правительство должно заниматься непосредственной организацией научно-технических работ и производства продукции высоких технологий. По его мнению, главной функцией власти должна стать подготовка институциональной среды, соответствующей развитию высоких технологий. Опираясь на опыт японского Министерства международной торговли и промышленности, У Цзинлянь заключал, что роль правительства не следует переоценивать: чтобы способствовать развитию высоких технологий в Китае, правительство должно четко уяснить свои функции, уменьшить вмешательство в научно-исследовательскую и производственную деятельность и как следует выполнять работу в пределах своей компетенции [23].

По мнению ученого, больших инвестиций в научно-исследовательские работы, создания многочисленных научных учреждений и университетов, а также современных средств транспорта и связи уже недостаточно для того, чтобы стимулировать развитие техники. Поскольку новые передовые отрасли отличаются от традиционных и ключевую роль в них играют специалисты, обладающие знаниями, в новых условиях первостепенное значение приобретает вопрос о том, будут ли существующие институты благоприятствовать развитию человеческого капитала и творческих способностей специалистов. У Цзинлянь подчеркивал: «Если мы хотим, чтобы развивались высокие технологии, нельзя обращать внимание только на материальный капитал и технику, надо сосредоточиться на создании экономической системы и социально-культурной среды, способствующих развитию человеческого капитала». Обращая внимание на важность создания механизма финансирования, способствующего инновациям, ученый призывал внимательно изучать имеющийся в этой области зарубежный опыт, а также использовать различные формы финансирования инновационного бизнеса. Но он выступал против того, чтобы рассматривать рискованные фонды как единственное «чудодейственное средство» для продвижения инноваций.

Важно отметить, что повышенный интерес к проблемам «экономики знаний» проявлял бывший председатель КНР Цзян Цзэминь. Эта тема поднималась Цзян Цзэмином еще в 1998 г. на праздновании столетия Пекинского Университета. В докладах на сессиях ВСНП и на рабочих совещаниях ЦК КПК Цзян Цзэминь также неоднократно обращался к вопросам развития информационных технологий. Выступая на сессии ВСНП в марте 2000 г. Цзян Цзэминь не только посвятил этой теме значительную часть своей речи и предложил увеличить инвестиции в развитие информационных технологий, но и призвал провинциальных кадровых работников освоить Интернет [12]. Выступления Цзян Цзэмина позволяют заключить, что проблемы информационного общества занимают в них одно из главных мест.

Заключение

В условиях КНР теория «экономики знаний» оказалась особенно привлекательной в связи с тем, что призывы к созданию предпосылок для перехода к информационному обществу путем развития высшего образования и подготовки научно-технических кадров соответствовали традиционной ориентации китайской культуры на учебу и знание. Легкость восприятия китайскими учеными этой концепции объяснялась также и тем, что центральное место среди факторов производства в «экономике знаний» отводилось фактору научных знаний и информации.

Теория «экономики знаний» может оказаться привлекательной и для той части китайского общества, которая готова поддержать националистически истолкованный лозунг «особого пути» Китая к информационной стадии развития.

Как было показано ранее, в китайском варианте концепции «экономики знаний» содержится идея скачкообразного выхода Китая в мировые экономические лидеры, соответствующая настроениям сторонников национально-патриотических взглядов [26].

Несомненно, скорейший переход китайской экономики от ресурсозатратного природопользования к ноосферному развитию положительно скажется на экологической ситуации в регионе, а также на экономической, информационной и национальной безопасности страны в целом. Однако решение данного вопроса требует детальной проработки всех этапов предстоящего перехода. Успешное становление на путь экономического развития, основанного на знаниях, как новой модели развития национальной экономики невозможно без исторически сложившихся предпосылок, таких как высокий экономический рост, активное использование новейших информационных технологий, мощная законодательная база. Необходимо плановое совершенствование всех отраслей национальной экономики, повсеместное внедрение наукоёмких производств, что в последующем и станет той необходимой базой для перехода к новому этапу экономического развития, о котором уже может говорить Китай в настоящее время. Подтверждение тому лидерство Китая в некоторых ключевых цифровых отраслях. По общему уровню развитости цифровой экономики Китай отстает от развитых экономик, но в некоторых отраслях он вышел на лидирующие позиции: электронная коммерция, финтех, платежи, облачные вычисления, экспорт ИТ-продукции. Внутри страны программа развития ЗВТ, реализуемая с 1982 года, дала существенные результаты. «В результате, например, за 10 лет работы технопарка «Шэньчжэнь» было разработано более 90 новых технологий и товаров» [8, С. 32]. Помимо ЗВТ, создавались ЗТЭО и ЗРВТП, именно благодаря ЗРВТП Китай так быстро занял 1-е место в мире по производству мониторов, телефонов, компьютеров.

За достаточно короткий срок, Китаю удалось выстроить эффективную ветвь «Государство-бизнес-университеты», вследствие чего значительно возросло финансирование науки. По мнению Ван Син и Д. В. Кукареко, «Китаю, с помощью созданной эффективной системы стимулирования удалось в короткие сроки интегрировать собственные научные работы в глобальную науку и выйти на чрезвычайно высокие наукометрические результаты» [9, С. 104].

Исходя из вышесказанного, возможно сделать вывод, что Китай находясь на пути экономического развития, основанного на знаниях, как новой модели развития национальной экономики добился внушительных успехов и стал одним из ведущих акторов на международной экономической арене.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

- Абрамов Ю.Ф. Эколого-информационная цивилизация XXI века: природа и перспективы развития / Ю.Ф. Абрамов, В.К. Душутин — Иркутск: Иркутский Государственный Университет, 2001. — 112 с.
- Бергер Я. Китай – глобальная держава XXI века? / Я. Бергер // Азия и Африка сегодня. — Белорусская электронная библиотека, 2006.
- Бирюлин Е.В.. Новое в экологической политике КНР и задача построения «экологической цивилизации» / Е.В. Бирюлин // Материалы ежегодной научной конференции ЦПИП. ИДВ РАН; — Вып. 28. — Москва: ИДВ РАН, 2013. — с. 1680-179.
- Борох О.. «Экономика знаний»: дискуссии в КНР / О. Борох // Проблемы Дальнего Востока; — Вып. 4. — Москва: М, 2000. — с. 58 – 73.
- Брагина Е. КНР на современной мировой арене: между соперничеством и сотрудничеством / Е. Брагина — Москва: Наука, 2007. — 328 с.
- Бровкина Ю. Что такое экономика знаний / Ю. Бровкина // Что такое экономика знаний. — 2018 — URL: <https://rb.ru/opinion/informaciya-i-znaniya/> (дата обращения: 10.05.2023)
- Букреева Т.Н. Основные этапы развития современного экологического образования в Китае / Т.Н. Букреева, Г.П. Глушкова // Известия Юго-Западного государственного университета; — Курск: Известия Юго-Западного государственного университета, 2012. — с. 167–170.
- Ван Син. Китай строит экономику знаний / Син Ван, М.М. Ковалев. — Минск: Изд. центр БГУ, 2015. — 152 с.
- Ван Син. Анализ строительства экономики знаний в Китае и Беларуси с помощью глобального инновационного рейтинга / Син Ван, Д.В. Кукареко // Журнал Белорусского государственного университета. Экономика; — Минск: Беларусь, 2017. — с. 103-110.
- Гаврилова И.В. Понятие и характеристика экономики знаний, необходимые условия ее формирования / И.В. Гаврилова, К.В. Захарова, Т.А. Малащенко // Журнал Молодой ученый. — 2016 — URL: <https://moluch.ru/archive/114/29877/> (дата обращения: 12.06.2023)
- Гельбрас В. Успехи КНР и их цена в условиях глобализации / В. Гельбрас // Азия и Африка сегодня. — Москва: Российская академия наук, Институт Африки РАН, Институт востоковедения РАН, 2007. — с. 20-29.
- 伊裴江. «初论识经济» // 新华文摘 1998 — No. 7. — P. 61–64.
- 殷士杰. «知识经济于当代经济学研究» // 经济学东太 1998. — No 12. — P. 20.

14. Ли Теин. Размышления об экономике знаний / Теин Ли // Поиски направлений реформы и политики открытости. — Т. 2. — М.: Мысль, 2002. — 514 с.
15. 李京文. «知识经济: 21 世纪的新经济心态» // 经济学东太, 1998. — 211 p.
16. Ли Я. Зоны развития новых и высоких технологий в КНР: Кандидатская диссертация / Я. Ли. — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008.
17. Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США / Ф. Махлуп. — М.: Прогресс, 1996. — 248 с.
18. Мельникас Б. Экономика знаний: интернационализация и систематика инноваций / Б. Мельникас. — Вильнюс: Литовский инновационный центр, 2013. — 704 с.
19. Мельникас Б. Экономика знаний: интернационализация и систематика инноваций / Б. Мельникас. — Вильнюс: Литовский инновационный центр, 2013. — 704 с.
20. Павлова О.Н. Экономика знаний / О.Н. Павлова. — СПб.: Университет ИТМО, 2017. — 123 с.
21. 谢笛. «超越关于知识经济的几个认识误区» // 经济学东太, 1998. — No 12. — P. 31–32
22. 调整, 改革, 增产 - 樊纲. «谈经济热点» // 亚太经济日报, 1999. — No. 2. — P 12.
23. Толоконникова Е. В. Экологические проблемы Китая / Е.В. Толоконникова // Вестник ГУУ. — 2014. — №1.
24. Тюкавкин И.Н. Экономика знаний / И.Н. Тюкавкин // Киберленинка. — 2014 — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-znaniy> (дата обращения: 16.05.2023)
25. 吴子廉. «知读中语技术 - 论发展沃戈高科技查内» // 经济社会体质比较 1999. — No. 5. — P. 5
26. 贾宝华. «中国知识经济论: 来源、组成与缺贤» // 战略与管理, 1999. — No. 4. — P. 96
27. 杨福家. «谈谈知识经济» // 新华文摘, 1998. — No. 3. — P. 62-63

Список литературы на английском языке / References in English

1. Abramov Ju.F. Ekologo-informatsionnaja tsivilizatsija XXI veka: priroda i perspektivy razvitija [Ecological and Informational Civilization of the XXI Century: Nature and Prospects of Development] / Ju.F. Abramov, V.K. Dushutin — Irkutsk: Irkutsk State University, 2001. — 112 p. [in Russian]
2. Berger Ja. Kitaj – global'naja derzhava XXI veka? [Is China a Global Power of the XXI Century?] / Ja. Berger // Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa Today]. — Belarusian Electronic Library, 2006. [in Russian]
3. Birjulin E.V.. Novoe v ekologicheskoj politike KNR i zadacha postroenija «ekologicheskoj tsivilizatsii» [New in the Environmental Policy of the People's Republic of China and the Task of Building an "Ecological Civilization"] / E.V. Birjulin // Materials of the Annual Scientific Conference of the IDV RAS; — Issue 28. — Moskva: IDV RAN, 2013. — p. 1680-179. [in Russian]
4. Boroh O.. «Ekonomika znaniy»: diskussii v KNR ["Knowledge Economy": discussions in China] / O. Boroh // Problems of the Far East; — Issue 4. — Moskva: M, 2000. — p. 58 – 73. [in Russian]
5. Bragina E. KNR na sovremennoj mirovoj arene: mezhdru sopernichestvom i sotrudnichestvom [China on the Modern World Stage: between Rivalry and Cooperation] / E. Bragina — Moskva: Nauka, 2007. — 328 p. [in Russian]
6. Brovkina Ju. Chto takoe ekonomika znaniy [What is the Knowledge Economy] / Ju. Brovkina // What is the Knowledge Economy. — 2018 — URL: <https://rb.ru/opinion/informaciya-i-znaniya/> (accessed: 10.05.2023) [in Russian]
7. Bukreeva T.N. Osnovnye etapy razvitija sovremennogo ekologicheskogo obrazovaniya v Kitae [The Main Stages of the Development of Modern Environmental Education in China] / T.N. Bukreeva, G.P. Glushkova // Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of the Southwestern State University]; — Kursk: Proceedings of the Southwestern State University, 2012. — p. 167–170. [in Russian]
8. Van Sin. Kitaj stroit ekonomiku znaniy [China is Building a Knowledge Economy] / Sin Van, M.M. Kovalev. — Minsk: Publishing Center BSU, 2015. — 152 p. [in Russian]
9. Van Sin. Analiz stroitel'stva ekonomiki znaniy v Kitae i Belarusi s pomosh'ju global'nogo innovatsionnogo rejtinga [Analysis of the Construction of the Knowledge Economy in China and Belarus Using the Global Innovation Rating] / Sin Van, D.V. Kukareko // Journal of the Belarusian State University. Economics; — Minsk: Belarus', 2017. — p. 103-110. [in Russian]
10. Gavrilova I.V. Ponjatije i harakteristika ekonomiki znaniy, neobhodimye uslovija ee formirovaniya [The Concept and Characteristics of the Knowledge Economy, the Necessary Conditions for Its Formation] / I.V. Gavrilova, K.V. Zaharova, T.A. Malaschenkova // Young Scientist Magazine. — 2016 — URL: <https://moluch.ru/archive/114/29877/> (accessed: 12.06.2023) [in Russian]
11. Gel'bras V. Uspehi KNR i ih tsena v uslovijah globalizatsii [China's Successes and Their Price in the Context of Globalization] / V. Gel'bras // Aziya i Afrika segodnya [Asia and Africa Today]. — Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of African Studies RAS, Institute of Oriental Studies RAS, 2007. — p. 20-29. [in Russian]
12. Yī péi jiāng. Chū lùn shí jīngjì [The Initial Theory of the Knowledge Economy] / I Peiqiang // Xinhua Digest. — 1998. — No. 7. — p. 61-64. [in Chinese]
13. Yin Shijie. Zhishi jingji yu dandai jingjixue yanju [Economics of Knowledge and Modern Studies of Economics] / Shijie Yin // Jingjixue dongtai [Economics Dongtai]. — 1998. — No. 12. — p. 20.
14. Li Teyin. Razmyshleniya ob ekonomike znaniy [Reflections on the Knowledge Economy] / Li Teyin // Poiski napravlenij reformy i politiki otkrytosti [The Search for Directions of Reform and Openness Policy]. — Vol. 2. — Moscow: Mysl, 2002. — 514 p. [in Russian]
15. Li Jiwen. Zhishi jingji: 21 shiji de xin jingji xingtai [Knowledge Economy: a New Economic Formation of the 21st century] / Li Jiwen // Beijing: Zhongguo Guoji Guangbo [Economics Dongtai]. — 1998. — 211 p. [in Chinese]
16. Li Ya. Zony razvitiya novyh i vysokih tekhnologij v KNR [Zones of Development of New and High Technologies in China]. PhD thesis. — Moscow: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences, 2008. [in Russian]

17. Makhloop F. Proizvodstvo i rasprostranenie znaniy v SSHA [Production and Dissemination of Knowledge in the USA] / F. Makhloop. — M.: Progress, 1996. — 248 p. [in Russian]
18. Melnikas B. Ekonomika znaniy: internacionalizaciya i sistematika innovacij [Economics of Knowledge: Internationalization and Systematics of Innovations] / B. Melnikas. — Vilnius: Lithuanian Innovation Center, 2013. — 704 p. [in Russian]
19. Melnikas B. Ekonomika znaniy: internacionalizaciya i sistematika innovacij [Economics of Knowledge: Internationalization and Systematics of Innovations] / B. Melnikas. — Vilnius: Lithuanian Innovation Center, 2013. — 704 p. [in Russian]
20. Pavlova O.N. Ekonomika znaniy [Economics of Knowledge] / O.N. Pavlova. — St. Petersburg: ITMO University, 2017. — 123 p. [in Russian]
21. Se Di. Chaoyue guanyu zhishi jingji de jige zhenshi wu qu [To Overcome Several Areas of Misconceptions in Understanding the Knowledge Economy] / Di Se // Jingjixue dongtai [Economics Dongtai], 1998. — No. 12. — p. 31-32. [in Chinese]
22. Tiaozheng. Gaige Zengchang – Fan Gang Tan jingji jadian [Settlement. Reform. Growth – Fan Gunn on the Hot Spots of the Economy] / Tiaozheng // I am Tai jingji shibao [Asia Pacific Economic Daily]. — 1999. — No. 2. — P. 12. [in Chinese]
23. Tolokonnikova E. V. Ekologicheskie problemy Kitaya [Environmental Problems of China] / E.V. Tolokonnikova // Vestnik GUU [Bulletin of SUU]. — 2014. — No. 1. [in Russian]
24. Tjukavkin I.N. Ekonomika znaniy [Knowledge Economy] / I.N. Tjukavkin // Cyberleninka. — 2014 — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-znaniy> (accessed: 16.05.2023) [in Russian]
25. Wu Ji lian. Zhidu Zhongyu jishu – Lun Fazhang wogo gaokeji chan [Institutions Are More Important Than Technology. On the Development of High-tech Industries in China] / Wu Ji lian // Jingji shehui tizhi bijiao [Comparison of economic and social physique], 1999. — No. 5. — p. 5. [in Chinese]
26. Jiao Baohua. Zhongguo zhishi jingji lun: lai yuan, zucheng yu quexian [School of Knowledge Economics in China: Origins, Components and Disadvantages] / Baohua Jiao // Zhanliue yu guanli [Strategy and management], 1999. — No. 4. — p. 96. [in Chinese]
27. Yang Fujia. Tangtan “zhishi jingji” [Let's talk about the “knowledge economy”] / Fujia Yang // Xinhua Digest. — 1998. — No. 3. — p. 62-63. [in Chinese]